

ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ И СТАРЫЕ ВЕЩИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Автор: М. Э. ЕЛЮТИНА

ЕЛЮТИНА Марина Эдуардовна - доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии Саратовского государственного технического университета (E-mail: elutina 133@mail.ru).

Аннотация. Данная статья посвящена анализу особенностей отношения пожилых людей к вещам со стажем. Опираясь на эвристический потенциал "объект-центричный" подход Б. Латура, выделяется и анализируется механизм защиты вещами в повседневной практике пожилых людей. Автор приходит к выводу о том, что знание возрастной специфики организации повседневного опыта, в данном случае, отношения к окружающим вещам, может способствовать конструктивному разрешению внутрисемейных конфликтов.

Ключевые слова: домашнее пространство повседневной жизни • мера присутствия • вещи со стажем • объект-центричный подход • механизм самозащиты вещами • символическое содержание вещей со стажем • этикет обращения с вещами • уникальность вещей со стажем

В последнее время появилось немало работ, посвященных исследованию различных аспектов жизнедеятельности пожилых людей (Т. Козлова, О. Краснова, Г. Парахонская, З. Саралиева, Т. Смирнова, А. Смолькин, Т. Темаев). Однако социогеронто-логическая проблематика остается на периферии научного поиска, а в повседневной жизни укореняется "зона согласия" по поводу игнорирования потребностей и ожиданий пожилых людей; их приносят в жертву "более насущным и важным" проблемам. Акцентирование внимания на социогеронтологической проблематике важно в связи с тем, что онтологическое давление "старости" в индивидуальной истории человека нарастает и требует своего осмысления в меняющихся контекстах социума. В современном мире старость не может восприниматься как необратимое вытеснение человека на периферию социальной жизни и постепенный выход из употребления. Напротив, можно констатировать усиление ее значимости и с точки зрения социальных функций, и в плане пребывания в пространстве предельных смыслов. Вместе с тем идеи о самодостаточности старости циркулируют в основном в академических кругах, практически не интегрируясь в общественное сознание.

Проведенные эмпирические исследования представляют целый *пакет конфликтных ситуаций, связанных с пожилыми членами семейной группы* [1]: между пожилыми домочадцами конфликт обусловлен изменениями в балансе власти между мужем и

женой, добывающихся преимуществ, господствующего влияния после выхода на пенсию; между членами семейной группы, когда происходят поворотные ситуации, изменения ранее заведенного порядка (бракосочетание, смена работы, выход на пенсию, болезнь, смерть); между взрослыми детьми и родителями, имеющими разные модели и методы воспитания подрастающего поколения; при установлении контроля над собственностью; между прародителями и внуками, социализированными в разных условиях, что обуславливает наличие социального контраста между данными возрастными группами; между членами семейной группы в организации пространства повседневной жизни.

Остановимся на последней из перечисленных позиций. Повседневный мир семьи представлен разными возрастными средами, имеющими свою специфику. Здесь открывается поле для сравнительных заключений. Кроме того, данный мир переформатируется. Это утверждение базируется на следующих положениях. Во-первых, повседневные рутинные практики насыщаются разного рода рисками, страхами, фобиями. Расширяются зоны внутрисемейного напряжения. Помимо общих для всех членов семьи рисков, у пожилого человека имеют место геронтологические риски, между которыми существует многосторонняя интерференция (плохое здоровье, сокращение социальных контактов, потеря супруга/и). В результате наступает поведенческая дезадаптация, резкое нарастание изменений, когда происходит разлад с самим собой. По данным отечественных социологов, у пожилых людей отмечается самый высокий и постоянно растущий уровень стресса [2]. Представители данной группы наиболее подвержены высокому психоэмоциональному напряжению, они относятся к группам повышенного суицидального риска ("комплекс короля Лира") [3]. Во-вторых, повседневная жизнь лишается собственной размерности. Постоянные эксцессы и сдвиги во внутрисемейных взаимоотношениях нарушают регулярность событий, разрушают стабильность ожиданий у членов семейной группы относительно поведения каждого из них, что является необходимым условием для согласования мнений в направлении достижения определенных конвенций. В-третьих, рутинную жизнь людей невозможно представить без множества предметов повседневного обихода, без населяющих домашнее пространство вещей, которые выполняют функцию "медиаторов" и "стабилизаторов" внутрисемейных взаимодействий. В современной жизни достаточно часто возникают обстоятельства, которые выводят из автоматизма восприятия (ремонт, переезды, приобретение новых артефактов). А это, в свою очередь, приводит к тому, что вещи начинают играть заметную роль в повседневных жизненных сценариях. Они попадают в зону вопрошания (что с ними делать?), становятся переопределителями содержания внутрисемейных взаимоотношений. Изменение оптики исследований, смещение ее в сторону артефактов характеризует "объект-центричный" подход Б. Натура, который В. Вахштайн номинирует как "поворот к материальному" в социологии, что, по его мнению, означает фокусировку внимания на исследовании самых разных вещей, от обыденных артефактов до сложной техники, включение отношения к вещам и между вещами в анализ социальных отношений [4]. Речь идет о заметном вмешательстве вещей в человеческие взаимоотношения, из-за чего последние могут попасть в зависимость от них.

Такого рода объектом для нашего исследования является определенный сегмент домашнего пространства, а именно: отношение к "вещам со стажем" в контексте обыденного рутинного внутрисемейного разновозрастного взаимодействия; в данном случае отношения с вещами носят длительный характер. С этой целью нами было предпринято *качественное* исследование. Нас интересовали многопоколенные семьи с *пожилыми* людьми, члены которых на вопрос интервьюера о причинах внутрисемейных конфликтов назвали в качестве одной из них "упорное нежелание старших родственников расставаться со старыми вещами". В качестве неприемлемых поведенческих моделей, инициирующих возникновение конфликтных ситуаций, родственники назвали "засорение жизненного пространства", "захламление", "удержание никому не нужных, вышедших из употребления вещей" (одежды, инструментов, домашней утвари,

мебели), "превращение дома в свалку". Один из инсайдеров номинировал своего родственника в качестве "чулана для ненужных вещей". Сбор и анализ материала проводился по методике "двойной рефлексии" [5] с помощью неструктурированного неформализованного интервью. Эмпирическая база представлена 15-ю глубинными интервью с пожилыми людьми (65 лет и старше), проживающими совместно со своими родственниками, и 12-ю интервью с представителями зоны ближайшего окружения пожилого человека (дети, внуки). Опрашивались жители Саратова (ноябрь 2007 - май 2008 г). Главная претензия к достоверности собранных данных состоит в том, что интимный характер внутрисемейных отношений, нежелание "выносить сор из избы" смягчают, сглаживают внутрисемейные отношения. В первую очередь это относится к пожилым людям, которые чувствуют свою ответственность за имидж семьи и внутрисемейный климат.

Уточним ключевые для данного исследования понятия. *Домашнее пространство повседневной жизни* - это определенным образом организованное пространство с относительно постоянным набором вещей, стоящих на своих местах, имеющих знаковую функцию, позволяющую считывать информацию о взаимоотношениях членов семьи. Заполнение вещами - символами пространства дома сопряжено с понятием *меры присутствия* каждого члена семейной группы, которое фиксирует границы пространственной локализации "личной зоны", предоставляющей возможность приостановки "внешнего" вмешательства. "Личная зона" доступна для внешнего восприятия только при условии, что она каким-то образом воплощена, материализована в виде личностно определенной композиции вещей, выступающих в качестве смысловых ориентиров поведения членов семейной группы, символически закрепляющих их статус, воздействие. Нарушение меры присутствия может привести к напряжениям во внутрисемейных взаимодействиях. *Вещи со стажем* - давно приобретенные функционируют в двух уровнях: активного использования и/или хранения. Здесь речь идет о простых вещах, а не об антиквариате, интерес к которому в настоящее время устойчиво высокий. Антикварные предметы выступают как выражение социального престижа, символ респектабельности.

Приведем основные результаты исследования. Нежелание расставаться с привычными вещами неразрывно связано с тем фактом, что в отношении к вещам со стажем со стороны пожилых людей проявляется своя логика, своя специфика. Суть ее в том, что вещь со стажем для пожилого человека приобретает новые значения, отличные от тех, что она имела первоначально. Специфика отношения пожилых людей к вещам со стажем, в соответствии с данными, может быть конкретизирована следующими позициями. Во-первых, она выступает как элемент безопасности. Рамочная структура жизни пожилого человека, смещение границ между публичным и частным, инициирует ощущение беспокойства, когда под сомнение ставятся рутинные практики его повседневной жизни. Утрата старых вещей приводит к дезорганизации рутинных форм контроля, что и актуализирует проблему безопасности. *"Я хожу, но как-то неуверенно. Нередко опираюсь на стул, шкаф, я ведь все изжила, трещинки, неровности знаю. Когда перемещаюсь по дому, я знаю за что могу ухватиться, если вдруг потеряю равновесие"* (женщина 1937 г.р.).

Во-вторых, значимость старых вещей для пожилого человека связана с тем, что они создают содержательное, положительно ценное однообразие жизни. *"Не помню, кому принадлежит это высказывание, но оно в самую точку, именно так я и чувствую - не быть в мире и иметь в нем значение, а быть с миром, наблюдать и снова переживать его. Я чувствую умиротворение в окружении моих дорогих (не в смысле их ценности) вещей"* (женщина 1929 г. р.).

У пожилых людей имеет место интенсивная психологическая включенность в некоторую часть окружающей среды, имеющую для них личную значимость, несущую смысловую нагрузку. Потеря составляющих своей окружающей среды воспринимается как стрессовая ситуация. *Как-то попала в больницу, без своего привычного окру-*

женя ощутила огромную пропасть между собой и всем остальным миром. Как будто оборвалась ниточка. Внучку просила принести кое-что из вещей.

В-третьих, старая вещь выполняет мемориальную функцию, предстает как "разъясняющее зеркало". *"Возьму в руки шкатулку (ее мне покойный муж подарил), там всякая дорогая для меня мелочь - письма, брошки, заколки и прочее, и как будто в зеркало смотрю - все важное, значимое в жизни собирается внутри этой шкатулки, а случайное - исключается"* (женщина 1939 г.р.).

В-четвертых, эмоциональное, трепетное, одухотворенное отношение к старым вещам как к старым знакомым. Для пожилого человека старая вещь предстает как отдельная сущность; он может со скрупулезной точностью воспроизвести все ее особенности, вплоть до мельчайших. *"Я даже с ней (речь идет о статуэтке с отбитыми краями) иногда разговариваю, советуюсь, начинаю вспоминать. А кто же еще меня выслушает? Всем некогда"* (женщина 1929 г.р.).

Характерно пристрастное отношение - старая вещь всегда лучше, удобнее, красивее. Зачастую, человек, не понимая значения своих действий, или специально маскируя их, подчеркивает значимость утилитарных функций вещей со стажем. *"Зачем выбрасывать старое покрывало, когда я его подштопаю, "приведу в чувство" и оно, мое старенькое, еще долго послужит, лучше любого нового"* (женщина 1940 г.р.). *"Был шарф, необыкновенно красивый. Он из дорогой материи, прочный, а дочка стала им протирать пыль"* (женщина 1942 г.р.).

В-пятых, вещь со стажем дает возможность "придержать" временной поток. *"У меня есть брошка, я ее периодически чищу, она выглядит как новая. Конечно, никакой ценности она не представляет. Но, верите, как ее одену, сама моложе становлюсь. Были и другие украшения, золотые с камешками. Те с удовольствием внучка взяла"* (женщина 1937 г.р.).

В-шестых, старая вещь выступает как механизм, регулирующий повседневную жизнедеятельность пожилых людей с целью упорядочивания, внутренней организации, нормирования повседневных домашних практик. Это относится, в первую очередь, к сводным хозяйственным справочникам, которые создаются пожилыми членами семьи для внутреннего пользования. Важное место занимают постоянно пополняющиеся домашние лечебники, кулинарные рецепты, адресно-телефонные, приходно-расходные записи. Это могут быть и советы по рукоделию, кулинарии, сонники, рукописные руководства по хиромантии, астрологии, отдельные заговорно-молитвенные тексты, напоминания о текущих делах и распорядке дня. Одно из характерных мест хранения сводных хозяйственных справочников - около телефона.

"Я собираю полезные советы, - какие есть рецепты от болезней, почти всегда смотрю передачу "Малахов +", записываю номера телефонов наших давних знакомых, даты их рождений, чтобы вовремя поздравить. Умные высказывания тоже записываю. Все это у меня в отдельных тетрадочках, все аккуратно. Кладу рядом с телефоном, чтобы было под рукой. И эти тетрадки всегда всем мешают. Их переключают, выбрасывают или теряют вкладыши. Иногда до конфликта доходит. Внук говорит: "Надо все выбросить. Эти советы есть в компьютере, а это все мусор". А ведь я обо всех забочусь, хочу добрым советом помочь... А вот все комнаты у нас в квартире оклеены плакатами, снимками, фотографиями - это нормально, это современный интерьер!" (женщина 1931 г. р.).

Финальный фрагмент приведенного интервью достаточно типичный.

Наши респонденты отмечают эту особенность в поведении своих молодых родственников, в частности, тинейджеров. Речь идет о насыщении домашнего пространства визуальными образами. Заметным становится возрастная разница в процессах восприятия. Для молодежи характерна визуальная экспрессия, культура образа, в которых жесты, мимика, движения, одежда играют большую роль. В пожилом возрасте усиливается устно-слуховое восприятие в отличие от визуально ориентированных людей молодого возраста. Ученые утверждают, что вербальные функции человека достигают самого высокого уровня после 40 - 45 лет, что речемыслительные, второсиг-

нальные функции противостоят общему процессу старения и сами претерпевают инволюционные сдвиги значительно позже всех других психофизиологических функций. Другими словами, для пожилых людей более значимы вербальная экспрессия, культура слова. У старших домочадцев есть потребность в разговоре, межличностном говорении - слушании, потребность в передаче опыта, однако спрос на такого рода услуги со стороны молодых членов семьи невелик.

Таким образом, символическое пространство вещей со стажем конкретизируется следующими моментами: а. Вещь со стажем как знак былого имеет более выраженный "эффект запоминания", это застывший след биографии, поддерживающий некую физическую непрерывность связи с тем, что что-то напоминает; б. Вещь со стажем реорганизует мир в виде констелляции в противоположность его функционально-протяженной организации, в попытке предохранить от нее глубинную ирреальность внутренней жизни пожилого человека. Актуализируется механизм самозащиты вещами, благодаря которому одинокий внешне человек оказывается внутренне ценностно не одиноким; привычные вещи, ассоциации, воспоминания с ними связанные, отклоняют его от линии ценностного отношения к себе самому и не позволяют этому отношению сделаться единственной формирующей и упорядочивающей его внутреннюю жизнь силой; в. Когнитивное постижение вещи со стажем инициирует ситуацию преодоления "разъединенного времени".

Сенситивная восприимчивость пожилых респондентов поддерживается целым набором привязанностей и, по сути, может даже укрепляться посредством их сочетания.

Процесс расставания с привычными вещами нередко выступает как травмирующий фактор. *"Мои домочадцы затеяли ремонт... Потом взялись мебель менять. Говорят, у тебя все разваливается, один хлам. Никто меня не поддержал. Все подчистую выбросили. А мне горько, очень горько. Как будто меня раздели и голым оставили"* (мужчина 1937 г. р.).

Отношение пожилых людей к вещам со стажем включает, как мы полагаем, следующие моменты.

Во-первых, с точки зрения категории "меры присутствия", фиксирующей проявления субъектности в предметном окружении. "Мера присутствия" зависит от степени развития семьи, характерных для нее взаимоотношений, статусных позиций и личностных особенностей каждого члена семьи, от социокультурного контекста, принятых норм, правил, ценностей, закрепленных в той или иной культуре. Так, в традиционной русской культуре организация жизненного пространства семьи жестко регламентировалась. Традиционно члены семьи имели в пределах дома свои места для работы, отдыха, сна. К примеру, старики спали на/около печи, на голбце, на заднем полу, у порога.

Исследование конструирования меры присутствия в возрастном аспекте представляет собой особую проблему. Этот вопрос разрабатывается главным образом применительно к детскому возрасту. Авторы отмечают у ребенка наличие озабоченности по поводу собственного места в доме, тревоги и раздражения, которые возникают у него, когда он видит, что кто-то хочет занять его место. Поэтому дети так любят расставлять знаки своего присутствия - например, построить башню из кубиков посередине комнаты у всех на дороге, или, играя, буквально путаться под ногами у взрослых для того, чтобы напомнить о себе, получить у них подтверждение, что с ними все в порядке [6]. Пожилые члены семейной группы стремятся не к рассеиванию своего присутствия в рамках жизненного пространства дома, что характеризует поведение маленького ребенка, а прилагают усилия к дислокации, сохранению "личной зоны" для поддержания своей целостности, ощущения безопасности и защищенности. Для них очень важно, чтобы другие члены семьи с этим считались.

В настоящее время отмечается тенденция к сужению жизненного пространства пожилого человека, что в значительной степени обусловлено стесненными жилищными условиями, господствующими стереотипами, подчеркивающими депривацию потребностей с возрастом. Нередко жизненное пространство семьи маркируется по принци-

пу: модно - немодно, престижно - непрестижно, комфортно - некомфортно. При этом приоритетные расстановки делаются в соответствии с семейной структурой распределения власти. В случае, когда члены семейной группы убеждены, что пожилому человеку *"мало чего надо для счастья: чтобы было где поспать, чтобы было тепло, много еды, ну и телевизор должен быть"* (женщина 1982 г. р.), происходит сужение жизненного пространства пожилого человека до уровня осуществления витальных потребностей. Значительное усложнение семейных ролевых наборов в локальном контексте взаимодействий требует навыков взаимоотношений, основанных на усилиях, готовности к эмоциональным перегрузкам, неопределенности и социальной креативности. Истончение внутрисемейных взаимодействий происходит одновременно с развитием "других" культурных элементов и практик совместной жизни, которые в определенной степени могут даже являться их следствием. В данном случае речь идет о формировании механизма самозащиты вещами у пожилых людей.

Во-вторых, в контексте темпорального подхода [7], сущность которого состоит в возрастной особенности восприятия времени: тенденция к идеализации прошлого, которая может быть проинтерпретирована как реакция на утомление, разочарование действительностью, ставшей не в меру тягостной. Человек теряет способность судить беспристрастно, для него прошлое значительно лучше уже потому, что оно отличается от настоящего и чем оно дальше, тем лучше. Вещи для пожилого человека выступают как фрагменты "потерянного рая". Они связаны с каким-либо случаем его личной жизни, о котором ему приятно вспоминать. *"Я целый день одна. Самочувствие - по возрасту, терпимо. Все мои домочадцы - хорошие, добрые люди. Но они очень заняты. Только вечером мы можем поговорить. Но вот в чем проблема: они только о своем - о работе, о своих личных проблемах, о семейном бюджете. Все правильно. Это главное. Но я ведь тоже человек, я хочу поговорить о своем, о том, что меня беспокоит, страшит, или, напротив, что-то вспомнить... Они уверены, что у меня ничего не происходит. Вот поэтому мои безделушки - это то, к чему я могу обратиться, что может меня утешить"* (женщина 1926 г. р.).

Воспроизведением прошлого пожилой человек пытается компенсировать негативные последствия утраты культурной интимности. Манипулируя вещами, он преодолевает ситуацию "событийного дефицита", а нередко и эмоциональную пустоту, образовавшуюся в результате эксплуататорского подхода к личным взаимоотношениям со стороны других членов семейной группы.

В-третьих, биографический контекст, особенности социализационных процессов во многом определяют отношение к вещам членов семейной группы. Первичная социализация для многих людей старшего поколения проходила в послевоенные годы необеспеченности, нужды, когда приобретение вещи воспринималось как событие. За ней тщательно ухаживали, штопали, перелицовывали или она подвергалась непрерывному процессу "обновления" функций. *"Внук чуть-чуть поносит одежду и сразу в мусорку, говорит уже немодная. А ведь она еще хорошая, крепкая, носить не переносить. Я сам бы с удовольствием доносил, да размер неподходящий. Хотя из его свитера я безрукавку сделал - красота, тепло, уютно. Нас воспитывали так, чтобы вещи берегли"* (мужчина 1930 г. р.).

Доминировал определенный этикет обращения с вещами, когда с ними не расставались, а наделяли новыми функциями. *"Все зашивали, штопали, "худую" вещь не выкидывали, а старались приспособить для чего-то полезного в хозяйстве. Обычная кастрюля, чем только у меня ни была. До сих пор с ней червей копать хожу. Руки на месте были, не то, что сейчас. Как что ломается, вместо того чтобы починить, на помойку выбрасывают"* (мужчина 1936 г. р.).

Взрослые члены семьи контролировали состояние окружающих вещей, в определенных случаях предусматривалось наказание за нарушение правил обращения с ними. *"Я прекрасно помню, как мама в выходные дни устраивала генеральную уборку. Все вещи протирались, чистились, аккуратно расставлялись - каждая вещь на своем месте. И дети знали, как с ними обращаться. Конечно, всякое случалось: что-то*

разбивали, ломали. Тогда наказывали. У нас наказание - это чего-то значимого лишали" (мужчина 1939 г. р.).

Значимость вещи возрастала и в связи с тем, что многие предметы домашнего обихода делались своими руками. *"Мой отец, когда пришел с войны, увлекся резьбой по дереву. Сам сделал всю мебель. Из натурального дерева, красоты необыкновенной. До сих пор сохранились и шкаф, и тумбочка, и этажерка, пара стульев. Сын мой все вывез на дачу, говорит, много места занимают, весь вид портят" (мужчина 1932 г. р.).*

Современный жизненный порядок фиксирует быструю смену вещей, их сиюминутность, одноразовость, заменяемость в рамках домашнего пространства, инициирует желание к обладанию все большим и большим числом вещей. Совершенно ясно, что изменения в социокультурном контексте вносят свои поправки в конструирование возрастных оценок и идентичностей. Как показало наше исследование, привязанность к вещам со стажем у пожилых людей нередко воспринимается родными и близкими как поведение не вполне адекватное.

"Целый склад в доме. Из ума выжил" (мужчина 1989 г. р.). "Всю лоджию захлмамил. Там у него собрана куча никчемных вещей, одним словом, мусор. Если что-то выбросишь - орет, кричит, ругается. Неделями не разговариваем. Что это? Либо упрямство, либо ненормальность" (женщина 1964 г. р.). "Мать моего мужа уже восемь лет живет с нами. У нее отдельная комната. У нас достаток. Мы к ней хорошо относимся, что попросит, делаем. Хочется, чтобы и она к нам также относилась. Ничего подобного. Мы не можем сделать в ее комнате ремонт. Надо мебель поменять, там у нее все стулья, стол и другие вещи - всё рухлядь. Ни в какую. Носит только свои старые вещи. Новые покупаю, спасибо, и в стопочку, в шкаф. Я считаю такое поведение маразматическим" (женщина 1969 г. р.).

"Неадекватность" поведения пожилых людей объясняют разными причинами: возрастными изменениями, биографическими особенностями, характерологическими свойствами, к примеру, респонденты в своих ответах апеллировали к "старческой скарденности", "снобизму". Однако ход анализа такого поведения пожилого человека различный. Одни рассматривают уникальность вещей, нежелание с ними расставаться как проявление необратимых возрастных изменений или психического расстройства.

Другие помещают данный феномен в моралистическую систему координат, а это уже вопрос ответственности за злонамеренное поведение. И в том, и другом случае деятельность пожилого человека ошибочно форматируется. Реактивное поведение со стороны родных и близких можно номинировать как "локальные идиосинкразии" относительно старших членов семьи. Лишь один из наших респондентов указал на возможность *"обсудить совместно с пожилыми родственниками вопрос о ненужных вещах"* и выразил готовность оставить вещи в покое, если будет найден разумный способ, позволяющий *"вмонтировать их в домашнее пространство, не нарушая внутреннюю гармонию"* (мужчина 1965 г. р.).

Наши респонденты, представители разных возрастных групп, продемонстрировали разнообразное отношение к вещам со стажем. Одни индифферентно относятся к ним, для них вещи всего лишь неразличимый фон повседневной жизни. Они могут выбросить вещь *"за ненужностью"*, убрать подальше, не задумываясь о том, что *"ненужная"*, с их точки зрения, вещь может быть значимой для другого члена семьи. Другие активно поддерживают стилевой порядок домашнего пространства и *"терпят"* старые вещи до тех пор, пока они не начинают диссонировать с ним. Третьи активно разрушают всякий порядок, внося в пространство дома *"суматоху"* и *"неразбериху"*. Но есть, как показали результаты исследования, еще один вариант, когда человек защищается вещами. Они выступают и в качестве барьера, который снимает негативные воздействия, и средством, гасящим страхи, и источником положительных эмоций, к которому человек прибегает в сложных ситуациях.

Таким образом, обнаружено, что в качестве источника напряженностей в повседневных взаимодействиях может выступать противоречие, содержание которого заключается в том, что младшие члены семьи готовы избавиться от вещей, утративших

свои утилитарные функции, не имеющих потребительской ценности, а старшие, напротив, с трудом расстаются с привычным окружением, под разным предлогом стараются сохранить его, не допустить изменений. В одном случае акцентируется социальная гибель вещи, когда она утрачивает утилитарный или символический смысл. Вещь превращается в мусор и, следовательно, должна быть выброшена. В другом - вещь выступает как "проекционный экран" или "ретропроектор жизненного пути", аккумулирует социальную память. Это не только образ, извлеченный из антресолей памяти, не только артефакт, "излучающий" позитивные эмоции и чувства, но и механизм защиты внутреннего мира от разного рода деформаций.

Здесь имеют место два плана ценностного восприятия, два осмысливающих ценностных контекста, столкновение разновременных жизней, разных этикетов обращения с вещами в частной жизни, а также снижение ограничительного значения авторитетности позиции старого человека (или даже полное ее обесценивание) во внутрисемейных взаимодействиях. Данного рода конфликт относится к таким, которые создают порочный круг, когда потери одного участника ситуации не отражают "приобретения" другого, а являются причиной дальнейших потерь первого. Оппозиции в отношении вещей со стажем могут выступать в качестве источника конфликта, а могут быть только выходом для существующей вражды, содержательно маркируя характер внутрисемейных отношений.

Результаты нашего исследования демонстрируют вариативность отношения к данному конфликту членов семейной группы, которая проявляется в следующих формах: 1) неспособности "видеть" конфликт; 2) преуменьшении его важности; 3) уклончивости и путанице представлений; 4) полной апатии или признании в собственном бессилии; 5) эффекте иронии, когда наблюдается несоответствие функции вещи и ее употребления; 6) в установлении иерархических отношений между конфликтующими требованиями: чаще всего требования статусных членов семьи априори определяются как самые справедливые и целесообразные для всех. Причем, мы столкнулись с ситуацией, когда внешнее давление со стороны доминирующих членов семейной группы, инициирует у пожилых людей чувство собственной вины, желание каким-то образом сгладить невнимание к их собственным потребностям.

Анализ результатов исследования позволил сделать следующие выводы. Во-первых, семейная среда - это зона усилий со стороны всех членов семейной группы с целью достижения соглашений по организации и функционированию *семейной жизни*. Совершенно ясно, что формула внутрисемейных взаимодействий имеет постоянную величину, фиксирующую уважение и толерантность ко всем членам, независимо от возраста. В противном случае проявляется феномен "многоэтажности" внутрисемейных взаимоотношений, когда "нижние" этажи занимают интересы, вкусы, привязанности пожилых людей, о которых вспоминают в последнюю очередь.

Сам факт содержательной диагностики внутрисемейных, разновозрастных отношений, выделение и анализ зон напряженностей нацеливает на поиск и развитие социальных технологий помощи семье. В нашем случае выделение особенностей возрастного восприятия вещей со стажем с их символической и полемической нагруженностью может, как мы полагаем, способствовать конструктивному разрешению подобных конфликтов.

Во-вторых, семейная артефактная среда не может быть только новой, так как она формируется вокруг людей разного возраста, несущих память о разнообразных событиях, в том числе, и о вещном окружении предшествующего этапа жизненного пути. Вещи со стажем переплетаются с историей семьи. Они конституируют "референтное целое" в пространстве семьи, необходимое для индивидуализации современного "Я". Вещи могут использоваться как средство достижения общности, а могут выступать как инструмент дистанцирования от других членов семейной группы, как механизм самозащиты, когда человек в окружающих его вещах ищет точку опоры, стремится с их помощью купировать негативные последствия происходящих изменений. Эта общая закономерность, фиксирующаяся в вещной неоднородности семейной среды, ак-

туализирует созидательные задачи, связанные с реконструкцией пространства семейной жизни, интеграцией вещей, унаследованных от прежних и принадлежащих ныне живущим поколениям на основе коллективных обязательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Интегрированная старость: практики социального участия. Колл. монография / *М. Э. Елютина, П. Тейн, П. П. Великий и др.* Саратов: "Наука", 2007. 254 с.
2. *Шилова Л. С.* Трансформация самосохранительного поведения // Социол. исслед. 1999. N 5. С. 90.
3. Мониторинг. Самоубийства в России // Социол. исслед. 1999. N 5. С. 82.
4. Социология вещей. Сборник статей / Под ред. *В. Вахитайна*. М.: "Территория будущего". 2006.
5. *Штейнберг И. Е., Ковалев Е. М.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
6. *Осорина М. В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: "Питер", 1999. С. 32 - 33.
7. *Елютина М. Э.* Современные социогеронтологические теории // Дихотомия геронтологической ситуации в современной России: эксклюзия - инклюзия. / Колл. монография / *М. Э. Елютина, Э. Е. Чеканова, Т.В. Смирнова и др.* Саратов: СГТУ, 2006. С. 30 - 45.